

* * *

Детство... Чистая доска,
не заснята фото пленка:
жизнь понятна и легка,
жизнь кипуча у ребенка...
Каждый день, и человек,
и предмет, и расстоянье,
и туман, и первый снег —
все волнует. И сознание
все тревожит, все манит —
запах, музыка, движенье, —
и открытия сулит,
и готовит наслажденье...
Все в новинку, в первый раз!
Но с годами горизонты
приближаются, и нас —
просвещают потихоньку...
Все знакомо, где бы ты
ни был, все теперь понятно,
и волшебные черты
проступают грубо, внятно...

* * *

Тонконогий и кудрявый
скачет по полю жеребенок:
видно, мнимая свобода обуяла стригунка...
Но как будто вскрикнул «Мама!» —
ведь еще совсем ребенок,
ведь еще не знает воли,
ведь молочный он пока...

Постоял малыш и круто повернул — тропинка к дому, к яслям, к сену, к глыбе соли потянула, и опять рядом с красной кобылицей по дороге по-над Доном он гарцует, наш беспечный: разве можно устоять?.. Разве можно быть спокойным, если запахом полыни и волнением ковыльным переполнен?!.. И кнута тот малыш еще не знает... Ни тревоги, ни унынья, ни поводьев, ни уздечки, ни седла, ни хомута...

* * *

Я родом из детства, я родом из детства — от этого мне никуда ведь не деться...
А мне и не надо, я там поселен,
в том времени милом, когда был рожден,
в том городе старом, на улице бедной,
где люди дышали тем духом победным,
где каждый мужчина носил галифе...
Там папа с роднею сидит подшофе,
там мама идет в крепдешиновом платье,
там счастлив я, к ней попадая в объятия...

* * *

Сорок лет, сорок лет
как отца уже нет...
Сорок лет — это целая жизнь.
Сам полвека назад
появился на свет...
Полстолетья! Тревожная мысль...
Как тропинки зимой,
замело, замело
и глаза, и слова, и лицо —
я все реже теперь вспоминаю его,
и наш сад, и наш дом, и крыльцо...
Но тетрадки в линейку
обнаружились вдруг —
плод его беспокойных ночей,
и мне стало тепло:
я увидел, как внук
удалился в них, словно в музей...

* * *

Друзья ушли. Другие не пришли.
Не получилось. Или не желалось.
Дома, в которых жили и росли,
и их тропинки — вот, что мне осталось...
Давно погас в их окнах белый свет,
других людей скрывают эти стены.

Не вернуть волнующих бесед
на самые волнующие темы...
По их дорогам новые идут
троллейбусы, автобусы (трамвая
теперь уж нет), и сдачи не дадут
кондукторы, маршруты называя...

«Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ, ЖИЗНЬ!..»

Военный госпиталь под Рузой:
фойе, паркет, аккордеон,
шары гоняют парни в лузы,
поют девицы в унисон...
И эту песню — хором, дружно
(в секунды спелся коллектив) —
вели душевно, ненатурально:
слова знакомы и мотив...
Никто из тех, кто пел у стенки,
не знал, что в этот самый миг
в столице умирал Ваншенкин —
той песни автор, фронтовик...

* * *

Проснулся из-за скрипнувшей двери —
котенок попросился мне под мышку...
Малыш, ну что ты, милый, натворил:
сон перебил, а это, братец, слишком...
В том сне журчала теплая вода,
и женщина в прилипшем к телу платье
брела сквозь волны, видимо, туда,
где ветер вышивает тихо гладью.
Другая, помню точно, не она,
печально свою голову склонила
мне на плечо... И нежностью до дна,
во сне мне сердце нежностью пронзила.